

ли подчиненных членовъ семьи, или хотя для нѣкоторыхъ. Отецъ — одинаково отецъ для всѣхъ, но мать или мачиха для всѣхъ, или для однихъ — мать, для другихъ — мачиха. Въ составѣ семьи въ такомъ разѣ необходимо появляется двойственность по отношенію къ мачихѣ : для однихъ дѣтей — она представитель семейнаго авторитета, для другихъ — у нея такого авторитета нѣтъ. При жизни отца такой двойственности нѣтъ возможности обнаружиться; и тѣ и другія дѣти одинаково связаны во-едино авторитетомъ отца. Но по смерти его двойственность тотчасъ выступаетъ; пасынки оказываются въ всякаго авторитета, надъ ихъ единогровными братьями и сестрами авторитетъ существуетъ въ лицѣ матери. Но и для пасынковъ этотъ авторитетъ выкажетъ свою силу въ томъ смыслѣ, что мачиха вообще можетъ удерживать отъ раздѣла семейное имущество; она остается сидѣть во дворѣ, не выдѣляя слѣдующей ей части, и тогда пасынкамъ придется волей-неволей подчиниться такому рѣшенію своей мачихи. Все, что они могутъ сдѣлать — это потребовать, чтобы имъ было выдѣлено то, что было внесено въ составъ семейнаго имущества ихъ матерью, какъ приданое; но вопросъ еще въ томъ, когда можетъ быть заявлено и осуществлено такое требованіе? Ст. LXIV этого вопроса не рѣшаетъ, и потому ничто не мѣшаетъ допустить, что такое требованіе могло быть заявлено только при раздѣлѣ всего семейнаго имущества, каковой раздѣлъ наступить или по смерти матери-мачихи, или и раньше, если ей это будетъ угодно. И затѣмъ, конечно, допустивши раздѣлъ при своей жизни, мачиха имѣетъ право, взявши ту часть, которую возложилъ на нее мужъ, устроиться, какъ ей угодно. Положеніе мачихи будетъ совсѣмъ иное въ томъ случаѣ, если у нея нѣтъ собственныхъ дѣтей, т. е., нѣтъ лицъ, надъ которыми могъ бы оказаться у нея семейный авторитетъ, оказывающій описанное сей-часъ вліяніе и для пасынковъ по отношенію къ семейному имуществу. Удерживать цѣлость

семейнаго имущества для нея нѣтъ возможности, такъ-какъ ст. LXX рѣшительно не подходитъ къ такому случаю. Тогда что ей остается? Взять свою часть, которой она госпожа, и устроиться по своему усмотрѣнію; до такой части нѣтъ никакого дѣла ея пасынкамъ. Но оставаться во дворѣ, когда это не угодно ея пасынкамъ, она не можетъ; они не обязаны терпѣть ея воли: вѣдь они не дѣти ея, она не мать имъ. (Намъ кажется неправильнымъ изложеніе у *Попова*, стр. 109). Въ-частности, далѣе, можетъ случиться и такая комбинація: отъ первой жены были лишь однѣ дочери, отъ второй — сыновья; на-оборотъ, отъ первой сыновья, отъ второй дочери, или такъ: только отъ первой жены были дѣти, но и то однѣ дочери. Въ первомъ случаѣ дочери остаются при братьяхъ въ такомъ-же положеніи, какъ-бы эти братья были имъ родные; одно развѣ, что можетъ имѣть здѣсь мѣсто, это — требованіе дочерьми той части, которая внесена была въ составъ семейнаго имущества приданнымъ ихъ матери. Во второмъ случаѣ положеніе дочерей тоже не представляетъ ничего особеннаго. Наконецъ, въ послѣднемъ случаѣ положеніе мачихи, естественно, должно быть то-же, что и при однихъ пасынкахъ, безъ собственныхъ дѣтей; она не можетъ помѣшать тому разрушенію семьи, которое должно наступить неотразимо. с) Дальнѣйшая комбинація представится въ томъ случаѣ, когда семейный авторитетъ тоже не парный для всѣхъ членовъ семьи, или хоть для нѣкоторыхъ, но непарность въ томъ, что оказываются мать и вотчимъ. Мать, оставаясь на дворѣ своего перваго мужа, выходитъ за-мужъ, т. е. принимаетъ мужа на дворъ, на которомъ дѣти обязаны чинить ей всякую волю. Вотчимъ, естественное дѣло, лицо, совершенно постороннее остальнымъ дѣтямъ; для нихъ онъ не представляетъ никакого авторитета, онъ терпимъ въ домѣ, потому что на это воля матери; но коль-скоро матери не станетъ, или она измѣнитъ свою волю, тогда принятый мужъ можетъ уби-

ратся, куда ему угодно. Онъ могъ, далѣе, поступить на дворъ не только самъ, но и съ своими дѣтьми. Но и въ такомъ случаѣ между сводными дѣтьми не завяжется другаго отношенія, кромѣ фактическаго сожителства: въ одномъ дворѣ, домѣ, нѣсколь-ко лицъ, между которыми не существуетъ никакой связи и ко-торья разойдутся тотчасъ, какъ-только прекратится поводъ ихъ общаго сожителства. Таковы главнѣйшія комбинаціи, въ которыя такъ или иначе можетъ разрѣшиться семейный авторитетъ матери, когда съ него спадетъ ограниченіе и онъ выступитъ въ своей силѣ, ничѣмъ болѣе не связанный. Мы замѣтили уже, что авторитетъ матери прекращается или смертью, или ея отказомъ. Но можетъ быть еще одинъ способъ прекращенія — выходъ вдовы въ замужество, соединенный съ выходомъ изъ дому, со двора перваго мужа. Самъ по себѣ выходъ въ замужество не имѣетъ никакого вліянія; но иное дѣло, когда мать удаляется со двора, изъ дому своего перваго мужа, и поступаетъ въ домъ новаго мужа (*Кунцины*, стр. 75 — 76, 81, 85). Какъ быть съ ея прежнею семьей, предполагая, что въ этой семьѣ остались члены? Вопросъ о семейномъ авторитетѣ матери не имѣетъ болѣе мѣста; этотъ авторитетъ прекращается. Вмѣсто этого возникаетъ вопросъ объ опекѣ (*Бяляевъ*, стр. 42). Нужна эта опека, или нѣтъ? Если нужна, то кто же опекутъ? Нарядъ опеки совершается, какъ видно, съ-вѣдома общины; люди *удостовѣряютъ* и констатируютъ составъ имущества, которое принадлежало семьѣ, нынѣ задержанной отъ распада и только благодаря малолѣтству участниковъ въ этомъ имуществѣ. Сами эти участники не могутъ оставаться въ своемъ дворѣ, домѣ, они должны идти въ чужой домъ. На время малолѣтства имущество ихъ должно быть приурочено къ другому центру, къ другой семьѣ, не сливаясь, конечно, въ одну массу съ этимъ чужимъ имуществомъ. Куда же должны поступить малыя дѣти и куда должно быть приурочено ихъ имущество?

Этотъ вопросъ рѣшается прежде всего поведеніемъ матери, — если угодно, она можетъ взять дѣтей въ домъ своего втораго мужа. Такимъ образомъ и дѣти и ихъ имущество на-время поступаютъ подѣ господство авторитета ихъ вотчина. Если же мать броситъ дѣтей въ ихъ домѣ, броситъ ихъ потому ли, что не захочетъ брать съ собой, или потому, что это не ея дѣти, а пасынки, тогда опека нарядается въ лицѣ кого-нибудь близняго къ нимъ, но на чемъ основана эта близость, опять въ Русской Правдѣ не видно (по-крайней-мѣрѣ, ни относительно опеки вотчина, ни относительно опеки близняго не видно того, что думаетъ видѣть *Поповъ*, стр. 100, и *Бяляевъ*, стр. 46). Но если мать остается въ прежнемъ дворѣ, ея положеніе по отношенію къ дѣтямъ не есть положеніе опекуни; для этого, положеніе ея 1) безсрочно, не ограничено возрастомъ дѣтей; 2) оно не ограничено и по содержанію вытекающихъ изъ него правъ (*всяко волю чинити*). Видеть она за-мужъ, или нѣтъ, — это все равно, лишь бы не оставляла двора. Иное дѣло, если мать-вдова дала обѣтъ не выходить за-мужъ, и не сдержала своего обѣта; въ такомъ разѣ выходъ въ замужество прекращаетъ ея авторитетъ, хотъ-бы она и не желала выходить со двора своего перваго мужа. Какъ наказаніе за нарушение такого обѣта, законъ возлагаетъ на нее отвѣтственность за тѣ растраты, которыя сдѣланы ею во время пребыванія въ домѣ своего перваго мужа (Куницынъ неправильно, намъ кажется, понимаетъ дѣло такъ, будто мать-вдова отвѣчаетъ за растраты и не выходя за мужъ, стр. 70, 72). Статья говоритъ прямо: «аже ворчется» (на что не обращаютъ обыкновенно вниманія, напр. *Поповъ*, стр. 109, и *Бяляевъ*, стр. 43), выставя такой обѣтъ, какъ особенность, которая видоизмѣняетъ положеніе матери по отношенію къ дѣтямъ. Въ этомъ нельзя не видѣть вліянія византійскаго права, которое неблагоприятно смотрѣло на повтореніе браковъ, и если по закону

Русской Правды неблагоприятныя послѣдствія втораго брака наступаютъ лишь для вдовы и притомъ только подъ условіемъ нарушенія прямо даннаго обѣта пребывать во вдовствѣ, то Псковская Судная Грамота идетъ въ этомъ направленіи дальше. Она совершенно приравниваетъ вдовца и вдову и для наступленія неблагоприятныхъ послѣдствій не требуетъ особеннаго условія — нарушенія прямо выраженаго обѣта. Ко времени Псковской Судной Грамоты глубже проникъ въ жизнь афоризмъ градскаго закона, который говоритъ: «всѣхъ купно поругаетъ вторымъ бракомъ» (*Дювернуа*, стр. 319). Впослѣдствіи, когда положеніе вдовы, по отношенію къ имуществу своихъ дѣтей, разрѣшилось въ право пожизненнаго владѣнія и пользованія, — выходъ въ замужество самъ по себѣ сталъ обстоятельствомъ, прекращающимъ такое пожизненное владѣніе и пользованіе. — Намъ необходимо было опредѣлить тѣ особенности, въ которыхъ выражалось положеніе въ семьѣ женщины, на-сколько такое положеніе сказывается и въ наслѣдованіи. Мы выдѣлили это положеніе, рассмотрѣли главныя черты его въ отдѣльности, предполагая извѣстнымъ составъ семьи. Все за-тѣмъ, что будетъ сказано о составѣ семьи, одинаково примѣняется ко всѣмъ членамъ семьи, на-сколько примѣненіе это не устраняется вполне или отчасти тѣми особенностями положенія женщины, которыя мы только-что старались опредѣлить, на-сколько для насъ это нужно. Переходимъ теперь къ вопросу о томъ, каковъ же именно составъ семьи, изъ кого она складывается и какъ складывается.

§ 15. Семья, какъ первичная форма человѣческой общности, складывается рожденіемъ (*Кавелинъ*, Собр. соч. III, стр. 81 — 82). Она совокупность лицъ, народившихся непосредственно или посредственно отъ одной брачной пары, предполагая, что въ данномъ обществѣ господствуетъ начало моногаміи. Главное же условіе господства моногаміи — таковой быть, гдѣ нѣтъ при-

чинъ, разрушающихъ равночисленность мужчинъ и женщинъ въ пользу послѣднихъ. Начало моногаміи существуетъ и у насъ въ эпоху Русской Правды; законъ, правда, знаетъ наложничество, но наложницей можетъ быть только раба. Свободная женщина наложницей не бываетъ; попавши въ наложницы, она тѣмъ самымъ утратила бы свою свободу, стала бы рабой, напр., *по ключу*. Наложничество, далѣе, не то, что конкубинатъ; одно вмѣсто другого подставлять не полагается (нельзя играть понятіемъ конкубината такъ, какъ это дѣлаетъ г. Кавелинъ. Собр. соч. III, стр. 89). Незаконныя дѣти, какъ дѣти рабы, не входятъ въ составъ персонала семьи; они рабы и становятся свободными только по отпуску ихъ на свободу тѣми лицами, которыя будутъ наслѣдниками ихъ натурального отца. И такъ, въ составѣ семьи прежде всего представляются двѣ части: одни члены ея персонала составляютъ народившую брачную пару; другіе члены — лица, народившіяся отъ этой пары. Лица первой категоріи представляютъ собой олицетвореніе семейнаго авторитета, лица второй категоріи подчинены этому авторитету. Но такая раздвоенность состава представляется только внутри семьи; снаружи семья представляется цѣлымъ, компактнымъ, соединеннымъ въ лицѣ того изъ членовъ, которому по преимуществу принадлежитъ авторитетъ въ семьѣ. Такимъ лицомъ можетъ быть, какъ мы знаемъ, и мужчина и женщина. Связь между обѣими половинами построена прежде всего на рожденіи. Усыновленіе — это *imitatio naturæ*, сколько извѣстно, не было въ употребленіи у нашихъ предковъ, хотя оно было извѣстно, какъ это прямо свидѣтельствуетъ извѣстный актъ усыновленія вдовою Федосеей Тимошки. Этотъ въ высшей степени любопытный документъ, къ сожалѣнію, мало обратилъ на себя вниманія нашихъ историковъ права; иначе, онъ одинъ способенъ сдѣлать гораздо осторожнѣе мнѣніе, будто завыщательное наслѣдованіе извѣстно у насъ споконъ вѣку и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, желая

установить порядокъ наслѣдованія, уклоняющійся отъ принципа семейной и родовой связи, вдова Федосья прилаживается къ послѣднему принципу; съ благословенія главы церкви, она заимствуетъ этотъ принципъ формой для своей и своего мужа по смертной воли, *усыновляетъ сначала Тимошку* и за-тѣмъ уже дѣлаетъ его наслѣдникомъ, какъ собственное дитя. Свою чело-любитную къ митрополиту Федосья мотивируетъ тѣмъ, что у нихъ съ мужемъ не остается дѣтей и *что поэтому поминокъ по душѣ долженъ будетъ залечь*. Интересъ религіозный, душевный взять поводомъ, ради котораго дозволяется наслѣдованіе по завѣщанію, т. е. наслѣдованіе, основанное не на юридической необходимости, а на субъективномъ произволѣ. Но при этомъ все-таки соблюдается форма необходимаго, семейнаго наслѣдованія, — будущій наслѣдникъ заранѣе усыновляется, онъ принятъ за дитяти мѣсто тѣми, послѣ кого долженъ будетъ стать наслѣдникомъ, то есть не только самою Федосьей, но и ея мужемъ. Самъ митрополитъ основываетъ свое рѣшеніе не на томъ, что свобода завѣщанія можетъ быть осуществлена Федосьей, какъ ей угодно; нѣтъ, опредѣливши ея положеніе къ имуществу мужа на основаніи одной главизны Номоканона, онъ, за-тѣмъ, на основаніи другой главизны, признаетъ рѣшающимъ то обстоятельство, что Тимошка пріимникъ и, слѣдовательно, находится въ такомъ положеніи, въ которомъ онъ, ни больше, ни меньше, какъ обыкновенный наслѣдникъ по закону, въ силу принципа семейной связи. И если тѣмъ не менѣе вдова Федосья дѣлаетъ завѣщаніе въ пользу Тимошки, то эта духовная, очевидно, ничѣмъ не отличается отъ того завѣщанія, которое бы она сдѣлала, будь Тимошка для нея не пріемнымъ, а натуральнымъ сыномъ. Примемъ въ расчетъ, что актъ усыновленія Федосьей относится къ началу XV столѣтія (1404); что-же сказать о завѣщательномъ наслѣдованіи Русской Правды? (См. Ак. истор. т. I, 255). Но усыновленіе все-таки — явленіе рѣдкое и исключительное. Если же рожденіе — главная основа

связи, соединяющей во-едино всѣхъ членовъ семьи, то уже отсюда само собою слѣдуетъ, что между лицами, подчиненными одному и тому-же семейному авторитету, должна установиться іерархія, смотря по большей или меньшей близости происхожденія отъ лица или лицъ, въ которыхъ сосредоточенъ семейный авторитетъ. Между лицами подчиненными будутъ старшіе и младшіе члены. Старшіе — непосредственно родившіеся отъ главы семейства; младшими будутъ тѣ, происхожденіе которыхъ отъ главы семейства идетъ не прямо, а чрезъ посредство кого-нибудь изъ старшихъ членовъ. Такимъ образомъ составъ семьи расчленяется на нѣсколько линій; во главѣ каждой линіи стоятъ старшіе члены; они родоначальники линій, которыя представляются лицами, непосредственно отъ нихъ происходящими. Такихъ лицъ, составляющихъ линію, можетъ и не быть, линія дана лишь въ возможности, дана тѣмъ, что существуетъ лицо, которое можетъ образовать линію, народивши нисходящихъ. Слѣдовательно, внутри семьи расчленяется на линіи, которыя пока связаны въ одно подчиненіемъ одному и тому-же авторитету и которыя тотчасъ образуютъ отдѣльныя семьи, какъ-только перестанетъ существовать связь, соединяющая ихъ въ одну семью. Такой связи не станетъ, когда исчезнетъ лицо или лица, представляющія семейный авторитетъ, который самъ собою принадлежитъ имъ по отношенію къ происходящимъ отъ нихъ лицамъ; она исчезнетъ, далѣе, и въ томъ случаѣ, когда представитель семейнаго авторитета откажется отъ своего господства надъ тою или другою линіей, выдѣлитъ ее, и тѣмъ уничтожить наружный моментъ семейной связи — фактъ общаго сожителства въ одномъ домѣ. *А кто разъ выдѣленъ, — навсегда выдѣленъ.* Родоначальникъ каждой линіи, очевидно, представляетъ идущую отъ него линію, и на-оборотъ, въ своемъ единствѣ линія представляетъ собою лицо родоначальника. Потому, не станетъ родоначальника, линія все-таки остается отдѣльною,

обособленную отъ другихъ линій; связь лицъ, составляющихъ эту линію, дана тождествомъ ихъ родоначальника; она представляется имъ, все-равно, существуетъ онъ или нѣтъ. Но если такъ, то *право представленія*, хотя и не высказано нигдѣ, было извѣстно въ ту пору не меньше, чѣмъ и теперь. Оно такъ естественно, просто, что само собой невольно напрашивается въ юридическое сознаніе, какъ-скоро въ данномъ обществѣ отчетливо и ясно сознано и проведено семейное начало, какъ-скоро другой первичной формы общественности, кромѣ семьи, не существуетъ, или, по-крайней-мѣрѣ, другая форма не признана въ положительномъ правѣ этого общества. А это мы и видимъ въ Русской Правдѣ. Такимъ образомъ мы видимъ, что *право представленія*, которое и въ нынѣ дѣйствующемъ правѣ — одна изъ основныхъ догмъ права наслѣдованія, не придумано и не вычислено, но оно прямо вытекаетъ изъ организаціи семьи, такъ-что дальнѣйшая исторія его будетъ состоять лишь въ томъ, что оно будетъ распространено и на родовую связь, когда послѣдняя будетъ признана основаніемъ наслѣдованія. Тутъ примѣненіе *права представленія* будетъ гораздо затруднительнѣе, и главное затрудненіе произойдетъ отъ смѣшенія пола лицъ съ поломъ линіи. Другаго права представленія, какое мы описали, мы не имѣемъ ни возможности, ни надобности предполагать въ эпоху Русской Правды. Потому мы рѣшительно не понимаемъ, съ чего г. *Попову* вздумалось выразиться такъ: «въ отношеніи къ сестрамъ Русская Правда допускаетъ наслѣдство по праву представленія вѣето братьевъ» (*Поповъ*, стр. 109. Это — новое понятіе права представленія, никому неизвѣстное, кромѣ Попова. Мы видѣли, что отношеніе сестеръ къ братьямъ конструируется и помимо введенія какихъ-нибудь небывалыхъ понятій. Ср. *Никольскій*, стр. 347—348). Значеніе ряда могло оказать свою силу и относительно права представленія, т. е. рядъ можетъ опредѣлить величину

наслѣдственныхъ частей нѣсколько иначе противъ того, какъ эта величина опредѣлилась бы правомъ представленія (*Никольскій*, стр. 346—47). Все сказанное до сихъ поръ о правѣ представленія не можетъ имѣть мѣста, или по-крайней-мѣрѣ, право представленія не можетъ выступить съ такою простотою и естественностью тамъ, гдѣ первичною формою признанъ родъ, а не семья; тамъ трудность и запутанность счетовъ, неопредѣленность исходнаго пункта для такого счета,—все это если не сдѣлаетъ невозможнымъ, то во всякомъ случаѣ, какъ мы замѣтили выше, сдѣлаетъ крайне запутаннымъ и сбивчивымъ примѣненіе права представленія, какъ мы и видимъ въ московской практикѣ XVII столѣтія (*Кавелинъ*, *Взглядъ*, стр. 29, 31). Въ составѣ семьи, т. е. правильнѣе, въ составѣ линіи, слагающихъ семью, конечно, могутъ оказаться лица обоихъ половъ, но здѣсь положеніе женщины опредѣлено до-того ясно и своеобразно, что не можетъ быть даже повода къ смѣшенію пола лица съ поломъ линіи, что, какъ мы знаемъ, составляетъ камень преткновенія даже для нынѣшнихъ, а не только для практиковъ XVII стол. Далѣе, родоначальникъ каждой линіи, если только такая линія существуетъ въ дѣйствительности, а не въ возможности, представляетъ собой авторитетъ для лицъ, составляющихъ эту линію, но авторитетъ пока не могущій проявиться въ своемъ полномъ объемѣ; онъ самъ подавленъ стоящимъ надъ нимъ авторитетомъ главы семейства, домовладыки. Лица, составляющія каждую линію, подчинены общему семейному авторитету, но подчинены не прямо, а чрезъ своего родоначальника; и когда спадетъ ограниченіе съ авторитета родоначальника линіи, тогда авторитетъ этотъ выступить въ полномъ объемѣ своего дѣйствія. Если же нѣтъ такой посредствующей связи между младшими членами семьи и ея главой, тогда всѣ лица, составляющія одну линію, потерявшую своего родоначальника, ставовятся непосредственно подчиненными главѣ семьи; ихъ отдѣльность, обособленность

отъ другихъ линій дана будетъ отдѣльностью несуществующаго болѣе родоначальника — представителя линіи. Тамъ, гдѣ зайдетъ рѣчь объ ихъ отношеніи къ другимъ членамъ семьи, они представляются какъ одно цѣлое, какъ одно колѣно, представляющее своего родоначальника; на-оборотъ, когда зайдетъ рѣчь о взаимномъ отношеніи отдѣльныхъ линій по смерти главы семейства, то при жизни родоначальника каждой изъ линій, онѣ будутъ представлены каждая въ лицѣ своего родоначальника. Изъ постановленій Русской Правды о наслѣдованіи мы ясно видимъ, что кромѣ семьи она не знаетъ другой формы общегитія, основанной на кровномъ родствѣ; она не знаетъ другой формы, кромѣ совокупности лицъ, связанныхъ въ одно подчиненіемъ одному авторитету, который установленъ для нихъ рожденіемъ, и такое единство наружно выражается въ фактѣ ихъ совмѣстнаго сожительства. Такова іерархія и расчлененіе, которыя существуютъ внутри семьи; они очень просты, не сложны, такъ сказать, естественны; но точно такъ-же просто и естественно опредѣляется составомъ семьи и кругъ лицъ, которыя могутъ стать наслѣдниками. Наслѣдованіе по Русской Правдѣ, какъ мы старались показать, представляется, собственно говоря, ни больше ни меньше, какъ *имущественною стороною разложенія одной семьи на нѣсколько семей*, т. е. на столько, сколько было линій въ разлагающейся нынѣ семьѣ. Отсюда рѣчь о наслѣдованіи, объ открытіи наслѣдства можетъ зайти лишь тогда, когда умираетъ глава семейства, лицо, олицетворявшее семейный авторитетъ; такъ-какъ только смерть такого лица можетъ повести за собою то распаденіе семьи, которое съ имущественной стороны представляется наслѣдованіемъ. Смерть подчиненнаго члена семьи не можетъ подать повода распаденію семьи и съ нимъ наслѣдованію. Что же отсюда? А то, что о наслѣдованіи восходящихъ послѣ нисходящихъ не можетъ быть и рѣчи; такого наслѣдованія не знаетъ и нынѣ

дѣйствующее законодательство. Въ этомъ вопросѣ русское право отпавилось отъ понятія семьи, какъ совокупности лицъ, связанныхъ въ одно общимъ авторитетомъ и фактомъ сожительства. Такая догма устраненія восходящихъ изъ круга лицъ, призываемыхъ къ наслѣдству, прошла чрезъ все историческое развитіе русскаго наслѣдственнаго права и перешла въ наше время, когда понятіе семьи стало абстрактнымъ представленіемъ о кровной связи, основанной на происхожденіи однихъ лицъ отъ другихъ, представленіемъ, которое не восполняется болѣе такимъ конкретнымъ, реальнымъ признакомъ, какъ общее сожительство подъ господствомъ одного авторитета. Опять вышло историческое недоразумѣніе: послѣ смерти лица имущество его можетъ достаться боковому родственнику въ десятой степени, а оставшіеся въ живыхъ отецъ или мать могутъ остаться ровно ни при чемъ, если только не имѣтъ мѣста возвратъ имущества, яко дара. Послѣ смерти человѣка, имущество его можетъ стать выморочнымъ, а отецъ и мать его опять останутся ни при чемъ! Далѣе, намъ теперь понятно, почему по Русской Правдѣ наслѣдники только дѣти, т. е. вообще нисходящіе; это потому, что наслѣдованіе по Русской Правдѣ — только имущественная сторона разложенія семьи. Отсюда опять начало той догмы, что въ наслѣдованіи нисходящихъ линій представитель, родоначальникъ каждой изъ нихъ заступаетъ цѣлую идущую отъ него линію, и только при недостаткѣ лица, представляющаго данную линію, всѣ лица, ее составляющія, являются наслѣдниками *ex jure proprio*, но размѣръ ихъ участія въ наслѣдованіи по отношенію къ другимъ линіямъ опредѣляется формулой права представленія. Вліяніе ряда на величину такого участія и при формулѣ права представленія мы уже выставили выше. Вотъ и весь кругъ лицъ, которыя по Русской Правдѣ могутъ быть призываемы къ наслѣдованію. Понятно, что здѣсь полъ окажетъ вліяніе *какъ полъ лица*, а

не какъ полъ линіи. Положеніе племянницъ при дядяхъ будетъ такое-же, какъ и сестеръ при братьяхъ. Впрочемъ, здѣсь возможно представить себѣ различныя комбинаціи, но мы не считаемъ нужнымъ создавать и разсматривать эти комбинаціи. Мы повторяемъ, что подъ дѣтьми Русская Правда разумѣетъ не только однихъ нисходящихъ первой степени, но и степеней дальнѣйшихъ. До значительной отдаленности дѣло дойти, конечно, не можетъ, а слѣдовательно, не можетъ быть и особенной запутанности, главнымъ образомъ возможной при смѣшеніи пола лица съ поломъ линіи, потому-что поколѣній въ семьѣ, т. е. градацій въ происхожденіи членовъ семьи отъ ея главы, не можетъ быть много; при второй, и ужъ много-много при третьей градаціи, семья навѣрное распадется. Мнѣніе наше не новость; оно категорически, хотя и не вполне ясно, высказано было опять тѣмъ-же г. Поповымъ, который, по нашему мнѣнію, больше другихъ приблизился къ истинному пониманію наследованія Русской Правды. Вотъ его слова: «Отецъ, дѣти, внуки (почему отецъ — это остается неизвѣстнымъ, для насъ наследованіе отца кажется невозможностью) вотъ наследники семейные. Почему же въ Русской Правдѣ не упоминается о внукахъ? Русская Правда нигдѣ прямо не исчисляетъ наследниковъ, а упоминаетъ въ отношеніи къ частнымъ случаямъ; потому, изъ простаго умолчанія о внукахъ нельзя предполагать, чтобы они вовсе исключались изъ наследства. Умолчаніе зависитъ только отъ того, что Правда высказываетъ общее постановленіе при частныхъ случаяхъ, и потому не высказываетъ его вполне. Эта неполнота дополняется общимъ характеромъ Правды и послѣдующими фактами. Отецъ, дѣти и внуки суть неразрывные члены семейства, слѣдовательно, всѣ они должны наследовать. Впослѣдствіи, когда было признано право наследовать всѣмъ родственникамъ, о дѣтяхъ и внукахъ говорится какъ о главныхъ наследникахъ; остальные обозначаются об-

щимъ именемъ родственниковъ и наслѣдство опредѣляется степенью близости родства (*Поповъ*, стр. 112. Ср. его же, стр. 107—108; *Витте*, стр. 14—15; *Губе*, стр. 69, 87; *Бяляевъ*, стр. 31; *Никольскій*, стр. 347—48).

§ 15. Система наслѣдованія по Русской Правдѣ, если будемъ понимать ее въ смыслѣ круга лицъ, призываемыхъ къ наслѣдству, и порядокъ ихъ допущенія, представляется параллелью организаціи семьи, существующей внутри семьи іерархіи и расчисленію на линіи. Система эта такъ-же проста и наглядна, какъ проста и наглядна лежащая въ основѣ ея семейная связь; послѣдняя постоянно напоминаетъ личностью главы семейства и совмѣстнымъ сожителствомъ въ одномъ домѣ всѣхъ лицъ, составляющихъ семью. Она, эта связь, какъ-разъ такова, что можетъ быть постоянно сознаваема у народа, который не отличается особеннымъ постоянствомъ сидѣнья на одномъ мѣстѣ, прочною осѣдлостью, и не ведетъ никакихъ воинственныхъ предпріятій, требующихъ сложенія многихъ личныхъ силъ. Это почему такъ? А вотъ почему: родовая связь, въ отличіе отъ семейной, не имѣетъ для себя такихъ постоянныхъ, наглядныхъ напоминаній, какъ существованіе лица, въ которомъ завязалась эта связь фактомъ происхожденія отъ него и, за-тѣмъ поддерживается фактомъ сожителства въ одномъ домѣ. Родовая связь сознается только воспоминаніемъ, преданіемъ, переходящимъ отъ одного поколѣнія къ другому; и чѣмъ меньше поводовъ для проявленія въ сознаніи такой связи, чѣмъ меньше поводовъ для воспоминанія, тѣмъ скорѣе гаснетъ воспоминаніе объ ней, тѣмъ больше и больше она становится неопредѣленною, смутною, тѣмъ больше она теряетъ характеръ наглядности и точности, а только съ такимъ характеромъ та или другая связь можетъ быть взята основою какихъ-нибудь юридическихъ отношеній. Нужно закрѣплять ее письменными документами, — способъ возможный гораздо позднѣе, когда въ такой или другой формѣ будутъ введены родословныя

книги; когда родъ станетъ генеалогическою схемой. Воспоминаніе сильно лишь тогда, когда оно постоянно подновляется напоминаніемъ. У народа, пока никто не додумался за него до хитрости въ родѣ родословныхъ книгъ, напоминаніемъ родовой связи можетъ быть прежде всего постоянное топографическое сосѣдство родичей; тутъ, между прочимъ, получаетъ огромную важность такой памятникъ прошлаго, какъ *могилы предковъ*. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ, гдѣ родовая связь сильна, гдѣ она лежитъ въ основѣ даже политическихъ учрежденій (римская gens), мы видимъ, что могилы предковъ играютъ огромную роль: онѣ возводятся на степень священныхъ предметовъ; *violatio sepulcri* берется подъ охрану римскаго претора (*actio de sepulcro violato*; извѣстно, сколько специальныхъ нормъ для родовыхъ гробницъ дано въ германскомъ правѣ). Могилы предковъ указываютъ на ту связь, которая заложена между родичами гораздо раньше и была тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ дальше отодвигаться въ прошлое. Но такое значеніе могилъ имѣетъ мѣсто только при постоянной осядлости родичей на одномъ мѣстѣ; тамъ же, гдѣ населеніе бродитъ по поводу ли колонизаціи, или по другимъ побужденіямъ, тамъ съ потомками бродятъ и предки; ихъ могилы разбросаны такъ-же случайно, какъ разбросаны жилища потомковъ. Онѣ не напоминаютъ собою ничего, потому что некому напоминать; онѣ забыты, брошены, запаханы, поросли ковылемъ и травой. Вотъ первое обстоятельство, постоянно напоминающее родовую связь и въ-частности ведущее къ возникновенію такого памятника и залога этой связи, какъ могилы предковъ. Его не было у нашихъ предковъ, постоянно кочевавшихъ съ мѣста на мѣсто, кочевавшихъ, правда, не такъ хронически, какъ это дѣлаютъ скотоводы и звѣроловы, но все же кочевавшихъ. Второго обстоятельства, способнаго вести къ тѣмъ-же послѣдствіямъ, мы также не найдемъ въ жизни древне-русскаго общества. Такимъ обстоятельствомъ, какъ мы замѣтили уже, представляются болѣе или ме-

нѣе обширныя предпріятія, конечно, военныя. Постоянное хищничество, враждебное отношеніе къ сосѣдямъ, естественно смыкаетъ людей въ группы, а основаніемъ такого сложенія группъ, далеко выходящихъ за границы семьи, будетъ кровное родство. Воинственное племя, и шатаясь, должно держаться сплоченнымъ; его собственный интересъ въ томъ, чтобы возможно дальше раскидывалась сѣть родовой связи, захватывая возможно большее число лицъ. Его подвиги и удачи — поводы общаго торжества, на которомъ сознаніе родовой связи подогрѣвается и закрѣпляется новымъ узломъ; его несчастія и неудачи — общее бѣдствіе, простирающееся на всѣхъ, — вотъ опять узелъ связи. Что ни новый непріятель, что ни новое предпріятіе, то новый поводъ для родычей — вспомнить свою родовую связь, вспомнить своихъ славныхъ предковъ, ихъ доблести, торжества и несчастія. Такая-то воинственная жизнь была причиной, которая развила и поддержала родовой бытъ, напр. у римлянъ и германцевъ: типъ его сдѣлался яснымъ и отчетливымъ въ народномъ сознаніи. Но такого воинственного характера никогда не носила жизнь русскаго народа. Посмотрите на эту жизнь даже въ тѣ времена, которыя описаны, напр., у Прокопія, что вы тамъ увидите? Отдѣльныя семьи, живущія въ разбросанныхъ, разбѣженныхъ между собою мазанкахъ, и больше ничего. Очевидно, далѣе, что родоваѣ связь можетъ явиться началомъ, опредѣляющимъ типъ быта только въ послѣднемъ случаѣ, т. е. тогда, когда она создается по преимуществу влѣдствіе общности военныхъ предпріятій. Только въ такомъ разѣ родоваѣ связь выразится въ какихъ-нибудь положительныхъ учрежденіяхъ, тутъ необходима *организация*, выстроенная *цѣлесообразно*, и во главѣ рода будетъ стоять или старшій въ родѣ, или болѣе доблестный выборный. Тутъ, далѣе, появленіе рѣзко разграниченныхъ знатностью предковъ классовъ совершенно нормально и естественно. Отношеніе семьи къ роду можетъ быть

не одинаково, смотря по различію подробностей во внутренней организаціи рода. Но во всякомъ случаѣ родъ представляется уже не такою первичною, натуральною (*spontanée*) формою общественности, какъ семья; нѣтъ, въ родѣ въ большей или меньшей степени примѣшивается *цѣлесообразность*, *Planmässigkeit* организаціи; такъ-что родовая связь сама по себѣ является прежде всего лишь основой организаціи, но къ этой основѣ пристаётъ еще другой моментъ. Ничего подобнаго мы не видимъ въ русской исторіи, по-крайней-мѣрѣ, въ разсматриваемую здѣсь эпоху; мы не видимъ въ ней тѣхъ причинъ, которыя могли бы заложить и объяснить родовой бытъ, уложить родъ въ опредѣленную форму общественности, такъ, чтобы потомъ эта форма могла быть перенесена готовою, вполне сложившеюся въ государственннй бытъ. Филологическія соображенія по поводу слова «родъ», никакъ не замѣняютъ собою отсутствія *учрежденій* рода; что же касается до терминологіи разговорнаго языка, обозначающей родственную связь, то едва-ли и изъ нея можно вывести рѣшительныя догадки въ пользу того, будто родственная связь сознавалась и до сихъ поръ сознается какъ связь родовая, отъ которой недалеко до патріархальности, какъ утверждаютъ, составляющей исключительную славянскую добродѣтель. Такая терминологія лежитъ «просто въ нравственномъ бытѣ крестьянина, въ тѣснотѣ и ограниченности его круга понятій. Онъ — общественный ребенокъ, и вотъ почему только, и ни отъ чего болѣе, у него до сихъ поръ всѣ — дяди и братцы, другихъ выраженій онъ не знаетъ, какъ и всякій ребенокъ. Это просто языкъ крестьянина — дѣтскій, бѣдный и ограниченный, какъ выраженіе его бѣдной и ограниченной жизни, его дѣтскаго отношенія къ обществу и другимъ классамъ, а вовсе не остатокъ родового быта, существовавшаго за столько вѣковъ назадъ» (*Жуковский, Сб. Весна*), стр. 259). Выраженія лѣтописи, въ родѣ: «они (поляне) жили каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ,

владѣюще каждо родомъ своимъ», «и по нихъ братьи (т. е. послѣ смерти Кія, Щека и Хорива) почаша держати родъ ихъ княженъ въ поляхъ», «вста родъ на родъ» и т. д.; всѣ эти и подобныя выраженія объясняются очень просто и легко помимо всякихъ соображеній о родовомъ бытѣ» (*Сергѣевичъ, Вѣче и Князь*, стр. 44—50). Единственныя отношенія, въ которыхъ несомнѣненъ типъ рода, это — отношенія князей Рюрикова дома. Но, во-первыхъ, мы должны принять въ расчетъ то особенное положеніе, въ которое сразу поставилъ себя княжескій домъ, домъ пришлый, не связанный ничѣмъ съ туземнымъ мѣстнымъ населеніемъ. Для князей обособленность и чрезъ нее родство постоянно были ясны въ сознаніи. Во-вторыхъ, въ этихъ отношеніяхъ мы не должны упускать изъ виду ихъ государственную сторону, — мы не держимся того мнѣнія, которое считаетъ начало русскаго государства чуть не съ Петра Великаго. Если такъ, то всякія заключенія о родовомъ бытѣ, дѣлаемыя изъ отношеній княжескаго дома, должны быть крайне осторожны и не идти далѣе этихъ отношеній. На-оборотъ, тѣ видоизмѣненія, которыя внутри княжескаго дома испытываетъ родовое начало, уже въ первыхъ поколѣніяхъ этого рода, должны быть приписаны не чему другому, какъ тому обстоятельству, что, подъ вліяніемъ общаго строя русской жизни, отношенія князей Рюрикова дома не могли сохранить во всей чистотѣ природу родового начала, постоянно путались и затемнялись. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ путаются сами князья въ своихъ родовыхъ счетахъ, какъ они и сами не знаютъ, гдѣ поставить начальный пунктъ этихъ счетовъ. Объ отпращиваніи въ такихъ счетахъ отъ Рюрика скоро нѣтъ и помину: начальнымъ пунктомъ берется то Владиміръ святой, то Ярославъ, то Владиміръ Мономахъ, то Олегъ Черниговскій и т. д., пока наконецъ не одерживаетъ окончательнаго перевѣса семейное начало. Андрей Боголюбскій чуть-ли не первый понялъ всю негодность родового начала. Что родовые счета князей были ихъ

собственнымъ дѣломъ, не были популярны и, слѣдовательно, не были даже понятны народу, это мы видимъ изъ того, что народъ не поддерживаетъ родовыхъ правъ князей; *свое право призванія* князей народъ осуществляетъ, приставая къ тому или другому изъ князей не изъ-за его преимуществъ, основанныхъ на родѣ, а изъ-за его личныхъ качествъ, или изъ-за его принадлежности къ популярной семьѣ. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ случаяхъ, народъ гораздо прогрессивнѣе, его дѣятельность гораздо благотворнѣе для сложенія государственнаго порядка, чѣмъ всѣ хлопоты и возня Владиміра Мономаха, который свои семейные интересы не прочь поставить подъ охрану формъ родового старшинства, но самъ-же не считаетъ нужнымъ держаться постановленій созданнаго и устроеннаго имъ сѣзда князей. Въ княжескаго дома мы не находимъ никакихъ признаковъ родового быта, по-крайней-мѣрѣ въ ту пору, къ которой относится Русская Правда; мы не находимъ даже никакихъ указаній и на то, чтобы къ этому времени остались какіе-нибудь слѣды надломаннаго, разбитаго родового быта (*Никольскій*, стр. 339, 371, 376). Вотъ почему мы не можемъ признать за постановленіями Русской Правды о наслѣдованіи того характера, какой видятъ въ нихъ поборники родового быта, не можемъ признать, будто постановленія эти представляютъ собою реакцію противъ только-что разбитаго родового быта. Къ такому заключенію приводитъ насъ и то обстоятельство, что, какъ мы видѣли уже, первоначальное русское наслѣдованіе не знаетъ завѣщанія, какъ тестаментъ. На потребность въ такомъ предсмертномъ актѣ скорѣе способенъ натолкнуть родовой бытъ: полной завѣщательной свободѣ здѣсь предшествуетъ свобода выбора наслѣдникомъ одного изъ родичей; на этомъ, какъ извѣстно, остановилась свобода завѣщанія относительно родовыхъ имуществъ и въ нынѣ дѣйствующемъ законодательствѣ. Притомъ-же, въ родовомъ бытѣ наслѣдственные претензіи опредѣляются совсѣмъ иначе: наслѣд-

никомъ долженъ быть не тотъ, кто ближе по родству къ умершему, какъ его нисходящій, — нѣтъ, наслѣдникомъ долженъ быть тотъ, кто ближе по родству къ тому лицу, въ которомъ съ умершимъ они встрѣчаются какъ въ своемъ общемъ предкѣ. Умершій оставилъ послѣ себя сына, брата и дядю, — кто изъ нихъ наслѣдникъ? Дядя, потому что изъ всѣхъ этихъ лицъ онъ наиболѣе близокъ къ тому лицу, въ которомъ всѣ они встрѣчаются съ умершимъ, какъ въ своемъ предкѣ, т. е. къ дѣду умершаго. Значить, по родовому началу, порядокъ наслѣдованія, какъ порядокъ призыва лицъ къ наслѣдству, опредѣляется какъ-разъ обратно близости родства, если опредѣлять эту близость исходя не отъ общаго предка, а отъ умершаго (*Поповъ*, стр. 117). Родной и двоюродный братья должны быть уравнины, — вѣдь они оба въ одинаковомъ разстояніи съ умершимъ отъ общаго предка, т. е. отъ дѣда умершаго и т. д. — Очевидно, что тамъ, гдѣ родовая связь перестала быть жизненнымъ началомъ, осталась только какъ историческая основа заложеннаго на ней порядка, тамъ опять свобода завѣщанія является необходимымъ коррективомъ, охраняющимъ не только семейное начало, но и вообще близость родства къ умершему отъ претензій, основанныхъ на родовыхъ счетахъ. Какъ мы видѣли уже, до извѣстной степени такую цѣль преслѣдовалъ между прочимъ римскій законъ XII таблицъ, установившій безусловную свободу завѣщанія. Но и безъ того, родовое начало обыкновенно нарушается въ своей чистотѣ, — оно подмѣшивается семейнымъ началомъ въ томъ смыслѣ, что порядокъ лицъ, призываемыхъ къ наслѣдованію, опредѣляется близостью ихъ родства непосредственно съ умершимъ, а не съ предкомъ, отъ котораго одинаково происходятъ и призываемый и покойный. Въ Русской Правдѣ мы находимъ, что кругъ лицъ, призываемыхъ къ наслѣдству, опредѣляется единственно и исключительно системою нисходящихъ (*Дювернуа*, стр. 328); нѣтъ ихъ, начинается выморочность имущества; оно

ничье и поступаетъ къ князю. Такъ оно и должно быть, если примемъ въ расчетъ вотъ что:

§ 16. При той компактности и однородности состава, какую семья представляетъ снаружи въ томъ смыслѣ, что она состоитъ только изъ лицъ, по своему происхожденію (*natura aut jure*) прямо идущихъ отъ лица или лицъ, стоящихъ въ главѣ семейства, естественно, само собою напрашивалось въ сознание то воззрѣніе, что каждый изъ членовъ семьи, въ-особенности, каждый изъ членовъ-продолжателей ея, т. е. мужчинъ, потому именно, что онъ членъ, имѣетъ участіе въ имуществѣ, принадлежащемъ его семьѣ. Юридически, какъ мы знаемъ уже, такая принадлежность можетъ быть формулирована такъ, что при ней участіе въ имуществѣ каждаго изъ членовъ семьи останется въ тѣни, не войдетъ въ содержаніе юридической формулы. Такъ поступило, какъ мы знаемъ, римское право, которое приурочиваетъ семейное имущество не къ семьѣ, а къ стоящему надъ ней *paterfamilias*, такъ-что участіе остальныхъ членовъ *familia* осталось лишь на степени нравственного воззрѣнія. На это въ римскомъ правѣ было много причинъ и оснований, и между ними то обстоятельство, что римская семья была приведена въ соотношеніе съ другими коллективными единицами политическаго устройства, прежде всего съ *gens* и чрезъ нея съ трибой. Но у насъ ничего подобнаго не существовало. Семья осталась на степени своего чисто натурального значенія, внѣ всякаго отношенія къ политическому строю государства. Последнее значеніе, да и то—отчасти, она получила гораздо позднѣе, въ періодъ обязательной службы служилаго сословія и связанной съ этою службой помѣстной системы. Но и здѣсь что-же оказывается? Изъ массы недвижимыхъ имуществъ выдѣляются извѣстныя составныя части; онѣ ставятся особнякомъ, какъ вотчины пожалованныя, родовыя, выслуженныя, купленныя изъ помѣстій, приданныя, — всѣ такія вотчины носятъ на себѣ явный характеръ семей-

наго имущества къ нимъ присоединяются впоследствии помѣстья, когда послѣднія стали наслѣдственными независимо отъ оклада наслѣдниковъ, дѣтей прежняго помѣщика. Такъ-что и законъ 1714 года не совсѣмъ былъ безъ всякихъ antecedentовъ въ предшествовавшей исторіи. Какъ бы то ни было, но въ Русской Правдѣ господствуетъ понятіе семейнаго имущества; оно остается въ одной массѣ, въ цѣлости до тѣхъ поръ, пока остается связь лицъ, составляющихъ персоналъ семьи. Но какъ-скоро прекращается эта связь, какъ-скоро составныя части семьи, т. е. линіи, распадаются на отдѣльныя семьи, тогда такому же распаденію подпадаетъ и семейное имущество, оно разлагается на нѣсколько новыхъ семейныхъ имуществъ. Разница лишь въ томъ, что въ однихъ случаяхъ такое распаденіе семьи и съ нимъ распаденіе семейнаго имущества все-таки является продолженіемъ прежней семьи и прежняго семейнаго имущества; въ другихъ же случаяхъ такое распаденіе будетъ разрушеніемъ той и другаго (Ср. *Куницынъ*, стр. 89 и 86, 74; *Witte*, стр. 35). Мы видѣли уже, что такому распаденію въ тѣхъ и другихъ случаяхъ можетъ помѣшать одно обстоятельство — существованіе семейнаго авторитета въ лицѣ матери. Если такъ, то для насъ еще понятнѣе теперь, въ чемъ должна состоять сущность семейнаго начала въ примѣненіи къ наслѣдованію. При дѣйствіи этого начала, возведеннаго на степень юридической необходимости, наслѣдникъ опираетъ свое право, свое *jus successionis* не на свою близость родства съ умершимъ, — въ данномъ случаѣ такой опоры у него можетъ и не быть, а на свою принадлежность къ семьѣ, въ главѣ которой стоялъ умершій, и значитъ, на свое участіе въ томъ имуществѣ, которое принадлежало этой семьѣ. Его участіе въ наслѣдованіи есть только метаморфоза его прежняго участія въ этомъ имуществѣ въ то время, когда оно было одною цѣлостью, однимъ семейнымъ имуществомъ, а онъ былъ членомъ семьи. И что сказать, когда

оказывается, что подобное воззрѣніе прорывается почти чрезъ шесть столѣтій. Такъ, не дѣлая другихъ выдержекъ, послушаемъ, напр., что сказано въ соображеніяхъ указа 1805 г. (Полн. собр. зак. № 21687): «предоставленіемъ вдовѣ части того, что мужу ея могло принадлежать, доказывается, что и при жизни самого вотчинника, сынъ его на слѣдующую ему часть по наслѣдству право имѣетъ, которое за смертію обращается уже на его потомство». Вотъ гдѣ начало права вдовы-невѣстки на указную часть изъ имущества своего свекра. Семейное имущество должно распредѣлиться между составными частями прежней семьи, т. е. между линіями, при чемъ, какъ мы знаемъ уже, или каждая линія представляется живымъ родоначальникомъ, или такого родоначальника нѣтъ; такъ-что послѣ распаденія прежней семьи некому сдержать въ одной семьѣ всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ данной линіи. Такъ будетъ въ томъ разѣ, если нѣтъ родоначальника линіи, исчезнушаго ко времени распаденія семьи, въ составъ которой входила эта линія. Таково единственное начало, которое въ Русской Правдѣ опредѣляетъ наслѣдованіе; въ этомъ можно убѣдиться изъ юридическихъ памятниковъ послѣ нея (*Кунцины*, стр. 69—81; *Witte*, стр. 40, 43). Мы уже видѣли, на-сколько съ этимъ началомъ согласенъ субъективный произволъ главы семейства; мы видѣли, что такой субъективный произволъ не могъ устранить дѣйствіе семейнаго начала, онъ могъ только замыкать это дѣйствіе въ тѣ или другія количественныя отношенія. Семейное начало, какъ начало юридической необходимости, ограничила далѣе церковь, подчинивши его заботамъ о поминкѣ души, ограничила его мотивами и соображеніями религіознаго интереса. Мы сказали, что при всемъ томъ въ постановленіяхъ Русской Правды о наслѣдованіи заключены зерна для свободнаго завѣщательнаго наслѣдованія. Правда, на первыхъ порахъ субъективный произволъ былъ освященъ только изъ за его спе-

ціального содержания, только подъ условіемъ, что въ этомъ содержаніи онъ не выходитъ за тѣ рамки, которыя поставлены для него въ самомъ законѣ, отразившемъ тогдашнее на этотъ счетъ воззрѣніе, сознававшееся, какъ юридическая необходимость. Но такое освященіе, признаніе субъективнаго произвола важно и само по себѣ, независимо отъ содержанія въ его заявленіи. Вислѣдствіи, подъ вліяніемъ церкви (*Бяляевъ*, стр. 20, 21), субъективный произволъ получить значеніе, какъ послѣдняя воля умирающаго, хотя-бы въ данномъ случаѣ содержаніе этой воли было совсѣмъ не то, какое первоначально предполагалось юридическою нормою, освятившею субъективный произволъ, какъ рядъ отца съ своей семьей. Но ни въ періодъ Русской Правды, ни позднѣе, семейное начало не было парализовано субъективнымъ произволомъ; оно стояло прочно, недосягаемо для субъективнаго произвола. Умирающій даетъ рядъ своимъ дѣтямъ и своей женѣ, чинитъ имъ раздѣлъ и больше ничего.

§ 17. Но если на ряду съ семейнымъ началомъ, какъ принципомъ юридической необходимости, въ Русской Правдѣ заброшены основы завѣщательнаго наслѣдованія, то съ другой стороны тамъ-же заброшены основы и другаго начала—родоваго. Родовое начало начинаетъ дѣйствовать тотчасъ, какъ-только допущеніе къ наслѣдованію выходитъ за предѣлы семьи и распространяется на лица, связанныя съ умершимъ единствомъ общаго предка. Такъ-что, слѣдовательно, наслѣдованіе боковыхъ только и можетъ держаться на родовомъ началѣ. Правда, родовое начало, какъ мы замѣтили уже, обыкновенно видоизмѣняется тѣмъ, что оно опредѣляетъ собой лишь *кругъ лицъ, могущихъ быть призванными къ наслѣдованію*, но *самый порядокъ этого призыва, постепенность и преемственность допущенія къ наслѣдству* создается и опредѣляется близостью родства къ умершему, — начало, уже сильно отелоняющееся отъ тѣна начала родового и скорѣе приближающееся къ началу се-

мейному. Въ такомъ видѣ намъ представляется порядокъ призыва къ наслѣдованію римскихъ агнатовъ — боковыхъ родственниковъ. Въ чистомъ видѣ и полномъ примѣненіи родовое начало дѣйствовало бы тогда, если-бы оно было опредѣляющимъ не только кругъ лицъ, призываемыхъ къ наслѣдованію, но и самую преемственность и постепенность допущенія. Но въ такомъ видѣ родовое начало и у насъ никогда не выступало. Чѣмъ же данъ поводъ развиться и возникнуть родовому началу, если оно не признано въ первомъ русскомъ юридическомъ памятникѣ? Такой поводъ, такой исходный моментъ, по нашему мнѣнію, данъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ періодъ Русской Правды и позднѣе, какъ это можемъ наблюдать даже въ Псковской Судной Грамотѣ, распаденіе семьи, вслѣдствіе смерти главы ея, обыкновенно не влекло за собой реального раздѣла семейнаго имущества. И по смерти главы семейства, линіи, составлявшія прежде одну семью, какъ ея составныя части, обыкновенно не расходились фактически, не расселялись по отдѣльнымъ топографическимъ центрамъ, по отдѣльнымъ дворамъ, домамъ, но по-прежнему оставались въ одномъ дворѣ, въ одномъ домѣ. Мы уже знаемъ, что такое фактическое сожительство не было выраженіемъ какой-нибудь независящей отъ него юридической связи; оно было простымъ фактомъ, который весь держался единственно на договорномъ началѣ, т. е. на согласіи нѣсколькихъ семей продолжать такой фактъ болѣе или менѣе продолжительное время. Такое совмѣстное сожительство, представляющее собой снаружи группу многихъ лицъ, какъ одно цѣлое, какъ совокупность, въ сущности было только соединеніемъ, *сводомъ* нѣсколькихъ семей, связанныхъ между собой добровольнымъ общимъ сожительствомъ и такою-же добровольной нераздѣленностью нѣсколькихъ семейныхъ имуществъ. Потому въ каждой изъ такихъ сводныхъ семей организація и вообще взаимныя отношенія составляющихъ ея членовъ представляются и вообще

должны представляться такъ, какъ и въ томъ случаѣ, если-бы эта семья жила совершенно особнякомъ, внѣ всякаго соединенія, свода съ другими семьями. Но со стороны, этотъ сводъ, соединеніе нѣсколькихъ семей представляетъ сходство съ семьей тѣмъ болѣе, что и въ такомъ соединеніи кому-нибудь одному поручается блюденіе общихъ интересовъ; при чемъ во избѣжаніе столкновеній и недоразумѣній выборъ скорѣе всего можетъ пасть на старшаго по лѣтамъ. Но вотъ опять случайное сходство съ однимъ изъ признаковъ того лица, которое стоитъ во главѣ семьи, какъ представитель семейнаго авторитета. И понятно теперь, почему у поборниковъ родового быта такой сводъ нѣсколькихъ семей никогда не можетъ быть различенъ отъ семьи (Сравн., напр., *Поповъ*, стр. 104; *Никольскій*, стр. 339, 341). Въ составъ такого свода нѣсколькихъ семей войдутъ ставшія теперь самостоятельными семьями отдѣльныя линіи, каждая во главѣ со своимъ собственнымъ родоначальникомъ. Въ составъ, далѣе, могутъ войти и такія лица, которыя еще не пустили отъ себя линій, могутъ стать родоначальниками лишь впослѣдствіи; а съ другой стороны, могутъ войти лица, которыя по отношенію къ прежней семьѣ составляютъ линіи, не имѣющія для себя родоначальниковъ; всѣ они составятъ самостоятельныя части, самостоятельныя семьи въ такомъ соединеніи семей. Представимъ же теперь, что умираетъ кто-нибудь изъ лицъ, не подчиненныхъ семейному авторитету, умираетъ, не оставляя послѣ себя никого изъ такихъ лицъ, которыя могли бы быть наслѣдниками въ силу семейнаго начала; что станется съ тою долей участія, которое принадлежало ему въ общей массѣ имущества? Выбываетъ одинъ изъ участниковъ въ общемъ имуществѣ и заступить его некому; участіе его по этому погашается, — вотъ первое возрѣніе, которое представляется само собою. Но предъ такимъ возрѣніемъ, естественно, должно отступить право князя на выморочное имущество, — физически, наглядно по-

добнаго имущества не существуетъ въ отдѣльности, оно было лишь идеальною долей. Во-вторыхъ, мы не даромъ указали на сходство между семьей и соединеніемъ нѣсколькихъ семей; это сходство, правда, наружное, но оно вело къ тому, что соединеніе нѣсколькихъ семей *могло быть принято за одну семью*. А отсюда вотъ что: если погашеніе, о которомъ мы сейчасъ сказали, дѣлая невозможнымъ наступленіе выморочности, этимъ самымъ шло въ-прокъ другимъ семьямъ, то именно потому, что при одинаковости размѣровъ и состава общаго имущества, участниковъ въ немъ становилось меньше. Между тѣмъ это общее имущество нѣсколькихъ семей легко отождествлялось съ прежнимъ семейнымъ имуществомъ, изъ котораго оно образовалось, т. е. стало нераздѣленнымъ имуществомъ нѣсколькихъ семей. Такимъ образомъ, если погашеніе права одного изъ участниковъ въ общемъ имуществѣ и шло въ-прокъ другимъ, то дѣло представлялось такъ, будто такое *приращеніе* имѣло мѣсто потому, что погашеніе касалось участія въ общемъ семейномъ имуществѣ, т. е. погашенное участіе существовало относительно такого имущества, которое когда-то было семейнымъ. Смерть одного изъ членовъ прежней семьи до извѣстной степени представлялась повтореніемъ тѣхъ-же отношеній, которыя когда-то имѣли мѣсто при смерти главы прежней семьи, предка нынѣ соединенныхъ семей; словомъ, дѣло представлялось такъ, какъ-будто шла рѣчь не объ имуществѣ умершаго, а объ имуществѣ прежняго главы, т. е. объ имуществѣ, которое когда-то было единымъ семейнымъ. Лица, которымъ пойдетъ въ-прокъ сказанное погашеніе, представляются нисходящими, дѣтьми того лица, которое когда-то было главой семьи. И вотъ съ другой стороны помѣха наступить выморочности. А между тѣмъ, на чемъ бы ни основывали боковые родственники свое право воспользоваться угасшимъ участіемъ въ общемъ имуществѣ одного изъ нихъ; во всякомъ случаѣ ясно было видно, что бли-

жайшимъ поводомъ къ этому была смерть этого родственника. Сообразивши все это, мы волей - неволей должны согласиться, что предъ нами оказывается готовый поводъ образоваться тому воззрѣнію, что послѣ смерти такого лица, послѣ котораго наслѣдованіе не можетъ опредѣлиться семейнымъ началомъ, вступаетъ въ свою силу начало родовое. (Ср. *Witte*, стр. 40; *Губе*, стр. 67. Кажется, теперь ясно, что завѣренія г. Никольскаго насчетъ исконности наслѣдованія боковыхъ должны быть принимаемы какъ *conclusio a prescriptio*, или какъ *petitio principii*; *Никольскій*, стр. 373). До тѣхъ поръ, пока было въ обычаѣ недѣлиться наслѣдствомъ, оставаясь въ нераздѣленномъ состояніи, такое воззрѣніе имѣло для себя какъ-нельзя болѣе реальную основу (*Губе*, стр. 68; *Никольскій*, стр. 339). На этой основѣ оно воспиталось, прошло въ сознаніе, окрѣпло на-столько, что могло потомъ выступить въ жизнь, оторвавшись отъ того повода, который вызвалъ его къ дѣйствительности и долго закрывалъ контрастъ, какой на дѣлѣ существуетъ между этимъ воззрѣніемъ и семейнымъ началомъ. Родовое начало выступило, если можно такъ выразиться, закрытое, завернутое оболочкой, которая сближала его съ началомъ семейнымъ. Выступленіе его тѣмъ болѣе было кстати, что семейное начало само по себѣ очень часто будетъ открывать доступъ выморочности имущества, т. е. узурпаціи государства, а подобная узурпація не могла пользоваться ни особеннымъ сочувствіемъ общества, ни быть преслѣдуема съ особенною настойчивостью со стороны государственной власти. Для послѣдней право выморочности, во-первыхъ, для своего осуществленія сплошь и рядомъ встрѣчало непреодолимые трудности (*mutatis mutandis* можно привести слова г. Никольскаго: «Невозможно допустить, чтобы князь, безъ всякаго основанія — ибо завоеванія у насъ не было, могъ присвоить себѣ имущество всѣхъ жителей страны, въ томъ случаѣ, когда умиралъ кто-нибудь изъ нихъ безъ сыновей и

дочерей. Каждый, разъ при открытіи такого наслѣдства, ему (князю) приходилось бы завладѣть имуществомъ умершаго если не съ бою, то, по-крайней-мѣрѣ, при помощи насилія, особенно *если въ домѣ жило цѣлое родство*. (*Никольскій*, стр. 349—350); во-вторыхъ, будь преслѣдуемо съ особенною настойчивостью, оно набросило бы на нее тѣнь жадности и притязательности. Но какъ-скоро по тѣмъ или другимъ соображеніямъ для государства оказывается интересъ воспользоваться своимъ правомъ выморочности и воспользоваться какъ можно шире, что оно дѣлаетъ? Сдавливаетъ примѣненіе въ наслѣдованіи родового начала, сдавливаетъ его до *смежности съ началомъ семейнымъ*, или по-крайней-мѣрѣ, *до предположъ того повода*, который, какъ мы видѣли, впервые вызвалъ къ дѣйствительности родовое начало. Такъ и поступаетъ Иванъ Грозный, когда ему понадобилось примѣнить въ широкихъ размѣрахъ право выморочности относительно княженицкихъ вотчинъ. Если такъ, то понятно, почему родовое начало необходимо, естественно само собою должно было подвергнуться тому видоизмѣненію, о которомъ мы говорили выше; понятно далѣе, почему мы назвали сказанное видоизмѣненіе уклоненіемъ отъ чистой природы родового начала, такимъ уклоненіемъ, вслѣдствіе котораго оно сближается съ началомъ семейнымъ (*Поповъ*, стр. 107; *Никольскій*, стр. 267). Такая подмѣсь попала въ природу родового начала именно подъ вліяніемъ того повода, который вызвалъ послѣднее къ жизни. Этотъ поводъ, какъ мы видѣли,—общее сожителство боковыхъ родственниковъ, при которомъ родовое начало впервые выступило въ обстановкѣ, сходной съ обстановкой отношеній въ семьѣ. Понятно, почему *близость родства къ умершему*, а не къ общему съ нимъ *предку*, опредѣлила собой порядокъ призыва лицъ къ наслѣдованію, постепенность допущенія ихъ къ наслѣдству; только при близости перваго рода возможно было общее сожителство боковыхъ

родственниковъ. Разъ появившись въ жизни, родовое начало конципировалось потомъ абстрактно, внѣ той реальной основы, на которой оно родилось и воспиталось; и за-тѣмъ, видоизмѣненное въ указанномъ выше смыслѣ, оно, какъ и всякое другое начало, скоро обнаружило стремленіе къ безграничному примѣненію во всѣхъ случаяхъ, гдѣ не имѣетъ мѣста начало семейное. Въ такомъ видѣ оно и признано впоследствии объективнымъ правомъ, которое у насъ долго, какъ извѣстно, ограничивалось лишь тѣмъ, что, выступивши въ формѣ закона, фиксировало то или другое начало, догму, выработанную въ самой жизни. Но, очевидно, мы договорились до такого вывода, который долженъ показаться съ перваго взгляда просто историческою ересью: у насъ выходитъ, что родовое начало въ наслѣдованіи позднѣе начала семейнаго, а не раньше, какъ это повторяютъ почти всѣ (см. напр., *Лакіеръ*, стр. 154, и примѣч. 84; у него поэтому сбивчиво рассказана система наслѣдованія по Русской Правдѣ на стр. 155 — 159. Сравн. *Witte*, стр. 34; *Поповъ*, стр. 112; *Никольскій*, стр. 262, 267, 341, 371, 373, 376; *Брѣлевъ*, стр. 31; *Кавелинъ*, *Взглядъ*, стр. 30; но *Аксаковъ*, О древнемъ бытѣ, собр. сочин. т. I: «родовыя права на наслѣдство были даны у насъ, какъ и у другихъ славянъ, въ позднѣйшемъ времени, и даны правительствомъ. Въ высшей степени интересно на этой-же 106 стр. примѣч. 1). Кругъ лицъ, могущихъ быть призванными къ наслѣдованію въ силу родового начала, не ограниченъ никакою степенью родства, — границы для него тамъ, гдѣ оканчивается связь людей по родовому началу, а не ближе. Только внутри этихъ границъ родовое начало, какъ мы видѣли, подмѣшалось постороннимъ элементомъ, который опредѣлялъ порядокъ и преемственность въ призывѣ родственниковъ. Существованіе подобныхъ границъ въ сущности та-же безграничность, которая дѣлаетъ примѣненіе родового начала абсурдомъ, когда это примѣненіе идетъ далѣе извѣстныхъ пре-

дѣловъ, гдѣ оно является уже совершенно излишнею уступкой со стороны государства (см. *Mill*, *Political Economy*; *Zachariae*, *Innere Geschichte des Griechisch-römischen Rechts*, В. II). Родовое начало, далѣе, изъ семейнаго начала приняло въ себя и ту разницу половъ, на значеніе которой мы указали выше, только при родовомъ началѣ женскій полъ для лица качество фатальное, тѣмъ больше, что разница здѣсь переносится съ лица на линію. Въ самомъ дѣлѣ, при семейномъ началѣ если и отдано преимущество мужчинѣ предъ женщиной (*Witte*, стр. 70: «Качественная разница половъ, существовавшая въ древнѣйшемъ правѣ, въ нынѣ дѣйствующемъ сведена на количественную»), все-таки женщина при этомъ не забыта: ея положеніе гарантировано или естественною любовью къ ней отца и матери, которые позаботятся объ ея судьбѣ, или прямо выраженною въ законѣ обязанностью устроить судьбу женщины, обязанностью, возложенною на тѣхъ, кому въ данномъ случаѣ она должна уступить при наслѣдованіи (*Куницынъ*, стр. 77—78, 69; *Губе*, стр. 67—68; *Никольскій*, стр. 344—345. Только такое положеніе женщины не унаслѣдовано семьей изъ родоваго быта; оно прямое послѣдствіе организациі древней семьи и за-тѣмъ перешло въ ту пору, когда начало дѣйствовать родовое начало. Сравн. такъ-же *Никольскій*, стр. 313). Никакихъ гарантій не оказывается, какъ-скоро начинаетъ дѣйствовать родовое начало: женщина уступаетъ мужчинѣ безусловно, безъ всякой лежащей на немъ обязанности.

§ 18. Такимъ образомъ мы видимъ теперь, гдѣ кроется первый поводъ, исходный моментъ возникновенія и примѣненія родоваго начала. Въ-особенности на этомъ исходномъ моментѣ можно наблюдать его въ Псковской Судной Грамотѣ. Здѣсь оно, если можно такъ выразиться, еще колеблется въ своей самостоятельности; оно не разъ выставляется во всей фактической обстановкѣ своего повода, на который мы уже указали выше. Но впослѣдствіи оно достигаетъ такой силы, что разви-

ваетъ изъ себя цѣлый институтъ выкупа, и кто знаетъ, на чемъ бы остановилось развитіе этого института, если-бы на первыхъ же порахъ онъ не былъ замкнутъ въ цѣлую систему затрудненій вмѣшавшеюся въ дѣло законодательною властью. Какъ бы то ни было, но въ эпоху, которую мы разсматриваемъ здѣсь, семейное начало было господствующимъ (*Сергіевичъ*, Вѣче и Князь, стр. 45: «по отношенію къ одному изъ важнѣйшихъ человѣческихъ интересовъ, по отношенію къ собственности, — родъ не оказываетъ ни малѣйшихъ признаковъ бытія; всякая семья разсматривается какъ самостоятельное учрежденіе, внѣ связи съ другими семьями того-же рода»); рядомъ съ нимъ субъективному произволу былъ отведенъ самый тѣсный просторъ. Родовое начало если и выступило впослѣдствіи, то только въ указанной выше оболочкѣ, совершенно закрывавшей его контрастъ съ началомъ семейнымъ. Понятно теперь, почему ни въ Русской Правдѣ, ни долго послѣ нея нѣтъ даже и намека на то, какъ быть въ томъ случаѣ, если послѣ смерти лица ближайшіе наслѣдники въ отсутствіи, хотя правила на подобные случаи даны уже, какъ мы знаемъ, въ договорѣ Олега съ греками. Наслѣдники обыкновенно всегда были тутъ-же, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ былъ умершій. Но понятно далѣе, почему въ Русской Правдѣ нѣтъ и помину о *принятіи* наслѣдства; принятіе какъ-то вскользь прорывается въ Псковской Судной Грамотѣ и затѣмъ надолго опять объ немъ нѣтъ и помину. Точно также понятна важность *выдѣленности* или *невыдѣленности* изъ семьи. Въ особомъ актѣ, который извѣстенъ теперь подъ названіемъ принятія наслѣдства, не было никакой надобности въ то время, когда наслѣдованіе управлялось семейнымъ началомъ, а принадлежность къ семьѣ выражалась фактомъ совмѣстнаго сожителства. Къ чему выражать согласіе на то, что наступаетъ само собой, къ чему осуществлять свое право наслѣдованія (*aditio hereditatis* — *Ausübung* по от-

ношенію къ *jus successionis*, см. напр. *Körpen* или *Tewes*), когда оно лишь метаморфоза прежняго участія въ семейномъ имуществѣ? Вотъ почему и въ римскомъ правѣ *aditio hereditatis* не существуетъ для *sui*. Какъ встати припоминается тотъ видъ, какой имѣетъ принятіе наслѣдства и въ нынѣ дѣйствующемъ правѣ,—и теперь принятіе наслѣдства прежде всего — отсутствіе формально выраженного отреченія, оно напоминаетъ собой римское *воздержаніе* отъ наслѣдства. Правда, рядомъ съ семейнымъ началомъ скоро выступаетъ въ изучаемую нами эпоху и родовое начало, завернутое въ извѣстную намъ оболочку; но при такой оболочкѣ родовое начало опять не вызывало нужды въ чемъ-нибудь, похожемъ на принятіе наслѣдства. Смерть, какъ выбытіе одного изъ членовъ соединенія, свода семей, если только этотъ членъ былъ таковымъ, что послѣ смерти его могла зайти рѣчь о наслѣдованіи, а своей семьи у него не было, такое выбытіе, какъ мы видѣли уже, представлялось лишь простымъ погашеніемъ участія въ имуществѣ, составляющемъ общую принадлежность нѣсколькихъ сводныхъ семей. Да наконецъ, если-бы понадобилось выраженное принятіе наслѣдства, то оно всегда могло считаться выраженнымъ фактически въ формѣ *gestio pro herede*. При томъ, далѣе, необходимость въ принятіи наслѣдства, какъ въ особомъ юридическомъ актѣ со стороны наслѣдника, долго не чувствовалась еще и потому, что къ этому не представлялось повода, такъ-какъ обыкновенно не возникало вопроса о томъ, какъ быть, съ одной стороны, съ долговыми требованіями умершаго, а съ другой стороны — съ его долгами. Это потому такъ, что имущество въ эту пору обыкновенно состояло изъ наличности; Русская Правда, какъ выражается г. Дювернуа, имѣетъ матеріальный взглядъ на наслѣдство (*Дювернуа*, стр. 145, 147—148: «въ понятіи статка или задницы сами собой вовсе не заключаются долги и требованія наслѣдодателя... статокъ именно означаетъ вещи,

имѣніе, которое осталось послѣ умершаго, ничего болѣе». Стр. 328: «весь составъ наслѣдства матеріальный. Правда знаетъ только вещи»). Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ смерти даннаго лица возникалъ вопросъ о его долговыхъ требованіяхъ и его долгахъ, въ какомъ видѣ прежде всего долженъ былъ представиться такой вопросъ? Подобно тому, какъ и наличное имущество представлялось принадлежащимъ всей семьѣ, такъ точно долговой активъ и пассивъ имущества, т. е. долговья требованія и долги, должны были представляться принадлежащими всей семьѣ. Но долговой активъ и пассивъ имѣютъ ту особенность, что то или другое требованіе не можетъ быть безличнымъ,—въ самое его содержаніе входитъ личность кредитора; точно такъ-же и долгъ не можетъ быть безличнымъ, въ его содержаніе входитъ отвѣтственность по нему въ качествѣ должника, отвѣтственность, лежащая на томъ или другомъ лицѣ. Въ этомъ затрудненіе для того, чтобы воззрѣніе на долговья требованія и долги, какъ на долговой активъ и пассивъ семейнаго имущества, удержалось въ своей чистотѣ, не подмѣшавшись другимъ воззрѣніемъ, по которому долговья требованія считаются принадлежащими не семьѣ, но тому или другому изъ ея членовъ, какъ своему кредитору, а долги считаются лежащими на отвѣтственности не всей семьи, а лишь на отвѣтственности одного изъ ея членовъ. Отсюда, естественно, сбивчивость и неопредѣленность въ юридическомъ сознаніи насчетъ того, какъ быть съ долговыми требованіями и долгами умершаго, если онъ былъ главою семьи? Спрашивается, чѣмъ же устраняется такая сбивчивость и запутанность? Духовною грамотой. И вотъ новый поводъ, изъ-за котораго въ такомъ употребленіи было составленіе духовныхъ грамотъ. Духовная грамота и въ этомъ отношеніи представляется инвентаремъ, заключающимъ въ себѣ описаніе долговыхъ требованій и долговъ, надѣланныхъ умершимъ во время главенства его въ семьѣ, и,

конечно, въ большей части случаевъ, по поводу управленія семейными дѣлами. Можно пойти далѣе и сказать, что, по-крайней-мѣрѣ, относительно долговъ, духовная грамота была актомъ, сообщавшимъ этимъ долгамъ *новое самостоятельное основаніе*. Въ самомъ дѣлѣ, въ духовныхъ грамотахъ далеко не всегда указывается поводъ, изъ-за котораго возникъ тотъ или другой долгъ,—опредѣляется лишь его сумма и предметъ. Если такъ, то описаніе долговъ умирающаго, обыкновенно наполняющее наши духовныя грамоты, имѣетъ значеніе не только простой памяти; нѣтъ, оно имѣетъ характеръ обязанности погасить эти долги, обязанности, обыкновенно возлагаемой умирающимъ на своихъ наслѣдниковъ. Вотъ почему мы и сказали, что упоминаніе въ духовной грамотѣ о томъ или другомъ долгѣ сообщаетъ этому долгу новое, самостоятельное значеніе, такъ-что, по-крайней-мѣрѣ по отношенію къ наслѣднику, тутъ происходитъ нѣчто въ родѣ *подновленія* обязательства. Но въ такомъ случаѣ предъ нами открывается новое значеніе духовныхъ грамотъ въ исторіи русскаго права; онѣ, очевидно, были органами, чрезъ которые вырабатывалась и проникала въ жизнь одна изъ основныхъ догмъ наслѣдственнаго права—переходъ на наслѣдника не только долговыхъ требованій, но и долговъ умершаго. Подобная догма сама по себѣ далеко не такъ проста и наглядна, чтобы явиться сразу вполне готовою, конципированною въ полномъ объемѣ своего содержанія. Необходимость подобной догмы почувствовалась тотчасъ, какъ-только оживился имущественный оборотъ, какъ-только въ составѣ имущества къ наличности присоединился долговой активъ и пассивъ; потому она и сказывается прежде всего тамъ, гдѣ сказанныя обстоятельства, обусловившія ея появленіе, дѣйствовали съ особенною силой, т. е. въ положительномъ правѣ богатаго и промышленнаго Пскова. Не разъ сознанная въ своей необходимости, догма перехода на наслѣдниковъ долговаго актива и пассива проникла въ юриди-